

на правах рукописи

КУШКОВА Анна Николаевна

**ССОРА
В ТРАДИЦИОННОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРЕ:
СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
(вторая половина XIX — начало XX вв.)**

Специальность: 07.00.07 —
ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ

**АВТОРЕФЕРАТ
ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК**

Работа выполнена на факультете этнологии Европейского Университета в Санкт-Петербурге

Научный руководитель

доктор исторических наук *А.К. Байбурин*

Официальные оппоненты

доктор исторических наук *Т.А. Бернштам*,

доктор исторических наук *И.А. Разумова*

Ведущая организация

Российский этнографический музей

Защита состоится 2003 г. в на заседании диссертационного совета Д 002.123.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. 3.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке МАЭ РАН

Автореферат разослан « _____ » _____ 2003 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета Д 002.123.01

кандидат исторических наук

А.И. Терюков.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предлагаемое диссертационное исследование представляет собой опыт описания ссоры как одного из видов конфликтного взаимодействия в крестьянской культуре второй половины XIX — начала XX вв. Специфика предмета исследования определяется его местом в иерархии типов коммуникации, существовавших в традиционном сообществе изучаемого периода времени — от повседневных до ритуальных. Методологическая основа выделения этих типов задается следующим определением: «Естественное протекание человеческой жизни оказывается предопределенным заранее и заключенным в жесткую пространственно-временную рамку: он должен пройти через о п р е д е л е н н ы е точки в о п р е д е л е н н ы е моменты, выполняя задачи по крайней мере двух уровней. Первый из них, более высокий, — полное осуществление программы мифоритуального сценария (рождение-инициация — брак — смерть) <...> Второй уровень, условно более низкий, представляет собой деятельность или существование человека в п р о м е ж у т к е между отмеченными точками сценария. Он может рассматриваться как своего рода подготовка к корректному прохождению основных точек. Это — область быта...» (Цивьян 1990: 12). Значимость «мифоритуального сценария» для крестьянской культуры второй половины XIX — начала XX вв. во многом определяет направление современных этнологических исследований, в которых явления «бытового» характера нередко отходят на второй план. Приходится констатировать, что большей мере это относится и к области повседневных социальных отношений, которой посвящено данное исследование.

Данное исследование призвано продемонстрировать чрезвычайно высокий эвристический потенциал изучения повседневной ссоры. Изучая ссору (ее место в «жизненном цикле» крестьянской семьи и сельской общины; особенности ссоры, задаваемые статусной структурой социального пространства; особые конфликтные периоды, в которые она возникает, и функции, которые она выполняет; гендерную и коммуникативную специфику ссоры; обычно-правовые институты и практики примирения и т. д.), мы в конечном итоге изучаем саму традиционную культуру, предлагая новый ракурс ее рассмотрения.

Исследование повседневной ссоры позволяет приблизиться к решению ряда вопросов, связанных со структурной динамикой крестьянской культуры, ответ на которые затруднен либо из-за недостаточной

изученности данной проблематики, либо в силу специфики сохранившихся материалов¹. Основными из таких вопросов являются следующие:

- каким образом происходит наполнение нового статуса члена сообщества, получаемого им/ей в ритуале, реальным содержанием;
- как внутри той или иной сформировавшейся структуры традиционного общества (например, в семье) зарождаются предпосылки к ее изменению, вплоть до полного распада;
- какова типология структурных изменений внутри крестьянского сообщества в зависимости от времени происходящих в них ссор, их участников и причин;
- как происходит актуализация родственных, дружеских и прочих связей внутри относительно замкнутого сельского сообщества в условиях конфликта; каким образом воспроизводимый в споре контекст общего знания ее участников — несмотря на то, что «припоминаются», как правило, неблагоприятные детали прошлого собеседника — способствует подтверждению моральных норм сообщества, и, следовательно, упрочению его внутренней связанности;
- каким образом анализ способов разрешения конфликта в разноразличных инстанциях обычно-правового судопроизводства выявляет иерархию власти крестьянского сообщества.

В целом, изучение повседневной ссоры позволяет прояснить многие аспекты социальной жизни крестьянского сообщества, включая те изменения, которые были вызваны реформой 1861 г.

Как справедливо подчеркивает Т.В. Цивьян в приведенном выше определении, только рассмотрение обоих уровней «естественного протекания человеческой жизни», «бытового» и «мифоритуального», во взаимодействии друг с другом дает ключ к комплексному пониманию специфики традиционной культуры в целом.

Ссора как один из видов повседневного конфликтного взаимодействия оказывается вписанной в ряд обрядовых и ритуальных практик крестьянского сообщества; так, например, заключение уз побратимства или кумовства функционально направлено на установление особого типа отношений между участниками обряда, предполагающими, в том числе, отсутствие ссор (или их прекращение). Тот факт, что бесконфликтные отношения особым образом «программируются», задаются в контексте обрядовых и ритуальных действий, с одной стороны подчеркивает значимость рефлексии о повседневной ссоре внутри самой культуры, а с

¹ О недостатке исследований в области изучения динамики развития крестьянской семьи в пореформенной российской деревне писала, в частности, американская исследовательница Б. Фарнswорт (Farnsworth 1986: 49).

другой создает дополнительный импульс изучения данного явления.

Особо следует отметить актуальность исследования ссоры в связи с проблематикой традиционного правосознания и обычного права, изучение которых пережило стремительный подъем после крестьянской реформы 1861 г. и вновь возрождается в наши дни. Правовая ситуация российского крестьянства второй половины XIX в. фактически поддается определению в терминах «правового плюрализма» (одновременное существование двух различных правовых систем, общеимперского и «обычного» права, в их сложной взаимосвязи, и, порой, в противоречии). Специфика народной юридической культуры (представления о проступках, преступлениях и наказаниях, механизмы предотвращения и урегулирования конфликтов, типы крестьянского «примирительного» судопроизводства и т. д.) имеет самое непосредственное отношение к теме диссертационной работы². Так, исследование вопроса о соотношении между типом ссоры (где, когда, по какому поводу и между кем она происходит) и способами ее контроля и разрешения позволяет раскрыть логику обычно-правового судопроизводства и реконструировать иерархию его уровней, вычлнить категории народного правосознания, описать систему доказательств по обычному праву и многое другое.

Проделанная работа позволяет с уверенностью говорить об актуальности проблематики повседневной ссоры для этнологических исследований традиционной крестьянской культуры.

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ТЕМЫ

Повседневная ссора еще не становилась самостоятельным объектом исследования в отечественной науке; в силу привычной ориентированности собирательского и исследовательского интереса на «событийное» в культуре, повседневность в большей степени, чем любая другая область народной жизни, часто оказывалась «невидимой» среди других, более «важных» аспектов традиционной культуры.

Более того, во многих описаниях крестьянской культуры, как XIX в., так и современных, обнаруживается намеренная дискредитация проблематики ссоры (и, шире, «нестроений» социальной жизни деревни) как того, что несовместимо с представлениями о «патриархальной чистоте» крестьянской общины с издревле усвоенными ею христианскими идеалами жертвенности и братолюбия, о деревенском «мире» как о зачатке духовного возрождения и т. п.). В рамках такого подхода ссора, фактически, получала отказ в праве на существование.

В связи с этим, одной из главных целей исследования является формирование проблемного поля повседневного конфликта как такового, демонстрация значимости ссоры как вида социального взаимодействия

² О тесной связи между изучением правового плюрализма и проблематикой урегулирования конфликтов см.: Фон Бенда-Бекманн 1999: 14.

наряду с другими, более «традиционными» в научном дискурсе проблемами.

Обращение к ссоре как предмету научной рефлексии подготовлено, тем не менее, в ряде работ по различным аспектам традиционной крестьянской культуры, которые можно подразделить на несколько основных групп.

1) Первую группу составляют работы общезтнографического характера, посвященные различным аспектам быта крестьян второй половины XIX — начала XX вв. Повседневная ссора, как правило, упоминается здесь лишь в связи с другими, более «значимыми» событиями крестьянской жизни, в частности, когда она оказывала влияние на институциональные изменения деревенского сообщества. К таким работам относятся, например, этнографические очерки о крестьянских семейных разладах, в которых семейная ссора была одной из основных объяснительных моделей их причин и последствий (напр. Покровский 1903: 1-45, Пахман 1900: 72-74 и мн. др.); многочисленные статьи о крестьянских разводах, фактически отданных на откуп крестьянскому обычному праву и потому попадавших в поле зрения этнографов; исследования по вопросу сезонных миграций крестьян на заработки (изменение конфигурации социальных отношений, обусловленное особой демографической ситуацией в зоне отхода, нередко трактовалось как предпосылка женских семейных и соседских конфликтов, что, в свою очередь, подкрепляло тезис об отходничестве как об одной из причин «нравственного падения» деревни — напр., Жбанков 1891, Весин 1887 и др.). Впрочем, многие из подобных работ имеют не столько аналитический, сколько описательный характер, и могут, скорее, рассматриваться как тематически организованные группы материала.

2) Следующую группу исследований составляют работы, посвященные отдельным типам конфликтного взаимодействия в сельском быту, в первую очередь ритуализованных форм конфликта, таких, как словесные поединки (Агапкина 1998 и 2000; Кабакова 1999), праздничные драки (Морозов 1997, Щепанская 1998), кулачные и палочные бои (Бернштам 1988, Горбунов 1996), свадебные корильные песни (Ефремова 1999). Основное внимание в подобных исследованиях, как правило, уделяется именно ритуальной стороне взаимодействия; говоря о словесных поединках, в контексте которых давалась оценка поведения различных половозрастных или локальных групп, и происходила «ревизия» «моральных норм, принятых в данном социуме», Т. А. Агапкина пишет, что в них «сталкивались между собой, с одной стороны, норма и порядок, устойчивость социальной и нравственно-этической структуры социума, а с другой — его реальное бытие» (Агапкина 1998: 447-448). Однако в той степени, в какой славянская традиция словесных поединков долгое время оставалась «незамеченной» на фоне архаических ритуалов агонального типа, в такой изучение ритуализованных форм конфликта отодви-

гало на второй план исследование конфликтов повседневных, происходящих в сфере этого самого «реального бытия».

Ссоры, или «бытовой антагонизм» (Агапкина 2000: 195) упоминались и в связи с темой междеревенских конфликтов, причем одним из главных тезисов работ на эту тему является то, что «внутренние» конфликты могли отступать на второй план перед лицом общей внешней угрозы, в связи с необходимостью сформировать «коллективный фронт солидарности» (напр., Frank 1999: 11). Таким образом, в данном случае речь идет о том, что имеет отношение к «коллективной версии крестьянской жизни» (Engel 1994: 16), заслоняющий собой более «низкий», межличностный уровень взаимодействия. Подобные работы, также как и исследования ритуализованных форм конфликта, составляют внешнюю границу проблемного поля данного исследования.

3) Значительную роль для изучения деревенских ссор играют исследования по крестьянскому обычному праву, как дескриптивного, так и прескриптивного характера. В первых ссора предстает как самостоятельный тип правонарушения, за которое, в зависимости от обстоятельств его совершения, полагалось то или иное наказание (напр., Матвеев 1877 б, Харузин 1889, Кротков 1875). Особое место здесь занимает наиболее полная на сегодняшний день монография американского историка С. Фрэнка «Преступление, культурный конфликт и справедливость в сельской России, 1856–1914», представляющая собой систематическое исследование конфликтов и способов их разрешения в пореформенном юридическом быте российских крестьян (Frank 1999). Вторую группу составляют официальные постановления, регламентирующие повседневное поведение крестьян, обязанности сельских старост и других представителей / институтов деревенской власти по примирению ссорящихся и т. д. (напр., Сборник Узаконений и распоряжений правительства о сельском состоянии 1916, Обязанности сельского старосты... 1913 и др.).

4) Лишь в небольшом количестве работ, написанных, в основном, западными исследователями, повседневная ссора появляется как самостоятельная исследовательская категория. В одних работах обращается внимание на зависимость между брачным статусом членов крестьянского сообщества и их участием в деревенских конфликтах (напр., Handman 1996), в других анализируются представления о ссоре в связи с гендерной принадлежностью ее участников (Du Boulay 1973 и 1986) или их местом в семейной иерархии (Farnsworth 1986).

В целом можно сказать, что состояние изученности повседневной ссоры с одной стороны свидетельствует о ее значимости в культуре, а с другой создает импульс к ее комплексному исследованию.

ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

1) **Этнографические материалы** о крестьянском быте, собранные во второй половине XIX в. (публикации в этнографических сборниках и журналах, статьи в периодической печати — преимущественно губернских ведомостях центральных и северо-западных губерний России);

2) **Материалы по обычному праву**, публиковавшиеся как в составе тематических сборников, так и отдельными брошюрами и монографиями;

3) **Архивные дела** из собраний Российского Этнографического музея (РЭМ, Ф. 7, собрание князя В.Н. Тенишева), Российского Государственного исторического архива (РГИА, Ф. 1022, А.В. Петрова), Русского Географического общества (РГО Ф. 12, С.М. Пономарева), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ, Ф. 586, Е.И. Якушкина) (г. Москва), архива Карельского научного центра (г. Петрозаводск) и Полесского архива Института славяноведения и балканистики РАН (г. Москва).

4) **«Художественно-этнографические»** тексты — авторские произведения о жизни деревни второй половины XIX в., представляющие собой беллетризованную форму этнографического описания;

5) **Фольклорные и языковые материалы**, используемые в основном для иллюстрации представлений о ссоре внутри крестьянского сообщества изучаемого периода;

6) **Полевые материалы**, собранные автором в Новгородской, Псковской и Вологодской областях в 1999–2003 гг. Включение такого рода материалов позволяет продемонстрировать преемственность ряда моделей конфликтного взаимодействия в деревне второй половины XIX в. и в современной сельской культуре.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Главными целями диссертационного исследования является: 1) описание роли ссоры в функционировании таких институтов крестьянского общества, как семья и община (в их формировании, развитии, распадении); 2) рассмотрение «текста» ссоры (принципов его построения, содержательной специфики, способов актуализации в нем коллективных представлений о чести, репутации, позоре, оскорблении и пр.); 3) исследование традиционных механизмов регулирования конфликтов в совокупности их институциональных и обычно-правовых особенностей. Отдельной целью работы является также введение в научный оборот малоизвестных текстов, относящихся к повседневным деревенским конфликтам.

Для достижения данных целей в исследовании решаются следующие задачи:

- Выявление текстов, релевантных для описания повседневной ссоры в крестьянской культуре второй половины XIX в.
- Определение взаимосвязи между структурными изменениями в «жизненном цикле» крестьянской семьи и происходящими в ней ссорами (в частности, рассмотрение семейных ссор, возникающих как реакция на прохождение свадебного ритуала; супружеских ссор, приводящих к разлучению мужа и жены — от временного до постоянного, а также типов крестьянских семейных разделов, различающихся по степени «конфликтности»).
- Описание соседских ссор как одного из видов нарушения нормативных обменных отношений социума; рассмотрение некоторых структур символического родства/«соседства» (кумления, побратимства, института крестных родителей, сядрины) с точки зрения того, как в них задается особое отношение к конфликту между членами крестьянского сообщества.
- Анализ наиболее репрезентативных текстов крестьянских ссор (выявление принципов развертывания «текста» ссоры, характерных формул и приемов аргументации, наиболее типичных инвектив, а также невербальных конфликтных стратегий).
- Обращение к вопросу о том, как в текстах о крестьянских ссорах отражается гендерная стереотипия традиционной культуры.
- Реконструкция иерархии уровней разрешения конфликтов в крестьянской культуре второй половины XIX в., объяснение логики функционирования системы сельского судопроизводства, и, в частности, ее «примирительного» характера.

Методы

То, что повседневная ссора еще ни разу не становилась самостоятельным предметом изучения в отечественной науке, было, в частности, обусловлено доминированием «нормативного» подхода к изучению социальных явлений, в рамках которого социальная жизнь рассматривалась как «управляемая правилами», а «нормальное поведение» — как «продукт соглашения» с комплексом установленных нормативов. Взгляд на общество как на совокупность структур и институтов, жестко задающих правила социального взаимодействия, определяет отношение к конфликту как к социальной девиации — если и достойной изучения, то лишь в целях поиска возможностей для ее преодоления.

Придание ссоре статуса самостоятельной научной проблемы предполагает, таким образом, применение иной методологии исследования, иной концепции работы с материалом.

Одним из путей преодоления методологической статичности «нормативного» подхода является обращение к альтернативной, «процессуальной» парадигме, в которой поиск «упорядочивающей динамики»

происходит внутри самих социальных процессов, и на первый план выдвигаются не столько общественные институты, сколько «взаимодействие реальных людей в повседневном контексте» (Comaroff and Roberts 1981: 5).

«Процессуальный» подход является главным для данного исследования; ссора рассматривается в нем как специфическая социальная практика, не только отражающая структурно-институциональную основу социума, в котором она происходит, но и являющаяся одним из механизмов ее изменения. Поскольку ссора впервые становится объектом этнографического анализа, большое внимание в работе уделяется понятиям «структура», «институт», «инстанция» (например, структура семьи, соседства, инстанции разрешения конфликта), однако акцент делается на структурной динамике изучаемой культуры на различных ее уровнях, от семейного до общедеревенского. Данный методологический подход, определяемый как «структурно-типологический», позволяет, с одной стороны, смягчить негативную оценку восприятия ссоры (в том числе и как объекта исследования), а с другой — сформулировать и доказать одну из основных идей исследования — развитие через конфликт.

Одним из базовых методов исследования является метод семантического анализа текста (включая метод семиотики ритуальных предметов и действий), а также методы этнолингвистического и концептуального анализа.

В ограниченном объеме используются методы полевой этнографии (тематических и биографических интервью, включенного наблюдения). Привлечение современных экспедиционных материалов, демонстрирующих преемственность представлений о ссоре и моделей конфликтного взаимодействия в деревне второй половины XIX и конца XX в., привносит в исследование элементы сравнительно-исторического анализа.

Сочетание перечисленных методов позволяет, на наш взгляд, системно представить специфику изучаемой темы.

Научная новизна работы

Тема крестьянской ссоры ранее ни разу не становилась самостоятельным предметом исследования в отечественной этнологии; данное исследование призвано не только заполнить существующую лакуну, но и способствовать формированию проблемного поля изучения повседневного конфликта.

В диссертации впервые в традиции изучения крестьянской культуры пореформенного периода:

- выявляется зависимость структурного изменения сообщества и происходящих в нем конфликтов;

- развивается и обосновывается намеченное этнографами конца XIX в. разделение двух основных контекстов рассматривания повседневного конфликта — семейного и соседского³;
- предлагается типология «супружеских разлучений», от кратковременных до постоянных (от «прочки» до развода / расхода), что позволяет более дифференцировано представить временной и пространственный аспекты семейных конфликтов;
- выделяются и описываются три основных модели крестьянских семейных разделов в зависимости от степени их «конфликтности»;
- выдвигается тезис о ссоре как одной из коммуникативных ситуаций трансляции повседневного знания особого типа (значимых для коллективной памяти негативно оцениваемых событий, поступков и черт характера членов социума и под.), что особенно значимо в контексте традиционного интереса этнологической науки к способам и формам передачи знания в культуре;
- сделана попытка свести воедино разрозненные сведения о примирительных инстанциях деревенского правосудия и объяснить логику его функционирования применительно к повседневным крестьянским ссорам;
- намечаются подходы к изучению некоторых категорий народного юридического правосознания, и, шире, обычного права (на пример, *репутации*).

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РАБОТЫ

Исследование предлагает интерпретационную модель анализа повседневных ссор, которая может быть использована при изучении конфликтов в иных социокультурных контекстах. Предлагаемый в работе структурно-типологический подход к анализу ссоры способствует более глубокому пониманию структурной динамики крестьянского сообщества изучаемого периода, в первую очередь такого его института, как семья.

Обращение к проблематике повседневной ссоры, а также введение в научный оборот новых, малоизвестных и труднодоступных источников, способствует расширению феноменологии антропологических исследований.

³ См., например, программу этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева, вопрос № 451 («ссоры и драки между крестьянами») и № 452 («ссоры в домашнем быту») (Фирсов, Киселева 1993: 273–274).

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РАБОТЫ

Материалы диссертационного исследования использовались при подготовке авторского курса «Повседневность и конфликт в крестьянской культуре второй половины XIX в. в контексте обычного права» в Европейском университете в Санкт-Петербурге, и могут стать основой новых лекционных курсов, посвященных социальным взаимоотношениям в крестьянской культуре второй половины XIX в. и обычному крестьянскому праву. Кроме того, отдельные части работы могут служить дополнительным материалом для курсов лекций по семиотике традиционной культуры и ее гендерной специфике.

АПРОБАЦИЯ РАБОТЫ

Отдельные проблемы диссертационного исследования обсуждались на заседаниях исследовательского и полевого семинаров факультета этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге (1998–2002 гг.); на конференциях «Мифология и повседневность» в Институте русской литературы (Пушкинский дом) (1999, 2000, 2001 гг.); на летней школе «Историческая антропология. История семьи, домохозяйства и родства» (Европейский университет в Санкт-Петербурге, 4–18 августа 2002 г.); в докладе на кафедре славистики университета Сорбонны (Париж-IV) (ноябрь 2000 г.); в лекциях в Институте гуманитарных исследований (INSTITUTUM STUDIORUM HUMANITATIS, Любляна, Словения, май 2003 г.) и при чтении авторского курса «Повседневность и конфликт в крестьянской культуре второй половины XIX в. в контексте обычного права» (весенний семестр 2002–2003 уч. года, Европейский университет в Санкт-Петербурге). Основные положения главы II (б) излагались в докладе на Международной студенческой конференции (Александровский институт, Хельсинки — Европейский университет в Санкт-Петербурге, май 1999 г.), раздел «Родительское проклятие» (глава II (в)) был представлен в виде доклада на конференции «Мужское» в традиционном и современном обществе» (Москва, 16–18 апреля 2003 г.).

Работа была обсуждена на заседании кафедры этнологии Европейского Университета в Санкт-Петербурге. Основные положения диссертации изложены в публикациях автора, приведенных в конце автореферата.

СТРУКТУРА ДИССЕРТАЦИИ

Диссертация состоит из введения, 5 глав, объединяющих 14 разделов, заключения, списка использованных источников и литературы и приложения.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **ВВЕЛЕНИИ** обосновывается актуальность и научная новизна исследования, ставятся его цели и задачи, описываются методологические основы, понятийный аппарат и структура работы.

Определение предмета исследования связано с необходимостью выделения ссоры из континуума других конфликтных видов взаимодействия, связанных друг с другом на уровне практики, а в описаниях — на уровне сюжета (например, драк, побоев и пр.). Основной характеристикой рассматриваемого явления является его «повседневный» характер, что, таким образом, исключает из сферы рассмотрения ритуализованные формы конфликта, существовавшие в пореформенной крестьянской культуре.

В **ПЕРВОЙ ГЛАВЕ**, «*Крестьянская ссора: историко-антропологическая перспектива*», рассматриваются основные проблемы историко-антропологического изучения ссоры: предлагается объяснение причин слабой разработанности данной тематики в этнографии конца XIX — начала XX, а также в наши дни (ориентированность на «событийное» в культуре, отсутствие методологического аппарата анализа повседневности, устойчивый негативный характер восприятия ссоры (т. н. эффект «пейоративного отчуждения») и др.).

Характеристике основных типов источников и материалов для изучения крестьянской ссоры второй половины XIX — начала XX в. предваряет перечисление основных особенностей коммуникативной прагматики сбора материалов по теме «Ссора», оказавших влияние на содержание текстов (значительная культурная дистанция между информантами и собирателями конца XIX — начала XX вв., при почти полном отсутствии свидетельств, оставленных самими крестьянами; «приватный», «закрытый» характер ссоры, обусловленный запретом на ее пересказ внешнему наблюдателю и под.).

Далее представлена источниковедческая база работы, включающая в себя тексты различного происхождения, жанровой принадлежности, прагматики. Определяется значимость для диссертационного исследования следующих групп источников: работ о крестьянском семейном быте, общественных отношениях и обычном судопроизводстве; материалов периодической печати, архивных материалов, «художественно-этнографических» описаний, фольклорных текстов и языковых данных, а также современных экспедиционных материалов.

ВТОРАЯ ГЛАВА. *«Семейная ссора»*, состоит из трех разделов.

Раздел первый. *«Ссора в жизненном цикле крестьянской семьи: структура и взаимодействие»*. Одной из особенностей повседневного семейного взаимодействия в крестьянской культуре изучаемого периода является наличие в нем периодов «повышенной конфликтности»; к таковым прежде всего относится первое время после свадьбы, когда в дом приходит новый член семьи (обычно, молодая). Объяснить эту особенность можно, отказавшись от трактовки термина «узнавание» только как элемента свадебного ритуала и рассматривая его в расширительном смысле, как «признание» молодой в качестве «своей» в новом для нее социальном пространстве, постепенная ликвидация ее «чужести». Новый статус молодой (а также статусы остальных членов семьи, претерпевшие трансформацию в результате произошедшего в ней структурного изменения) лишь постепенно наполняется «реальным содержанием»; в возникающем при этом «адаптационном» зазоре происходит постоянная корректировка, «подгонка» взаимоопределяемых статусов новых родственников. Выдвигается тезис о том, что семейные ссоры этого периода являются процедурой «настройки» внутренних границ общего семейного пространства, т. к. в них происходит уточнение прав и обязанностей каждого члена семьи, определение их статуса в новой семейной иерархии. Делается вывод, что ссора является одним из механизмов адаптации к структурным изменениям внутри такой единицы сообщества, как семья.

Содержание понятия «семейный статус» раскрывается через обращение к концепту «доли» в том виде, в каком он существовал в крестьянской культуре изучаемого периода (общая семейная доля, доли членов семьи в зависимости от половозрастной принадлежности и т. д.). На примере отношения к молодой, входящей в новую семью, показывается, что «доля», в совокупности ее материального и символического выражения, «творится» во времени, изменяется в сложном процессе внутрисемейного и «внешнего» имущественного обмена, в который семья вступает как экономическое целое. Конфликт при этом возникает тогда, когда имущественные (и связанные с ними статусные) права того или иного члена семьи либо приносятся в жертву интересам семьи в целом, либо узурпируются одним из ее членов. Рассматриваются такие наиболее типичные поводы (и, одновременно, объяснительные модели) ссор, как «обделение», обнищание и отсутствие кровного родства.

Главный вывод данного раздела состоит в том, что ссоры возникают в том случае, когда статусы участников взаимодействия либо не до конца им ясны, либо когда кто-либо сознательно выходит за рамки приписанного ему/ей статуса. Иными словами, ссора эксплицирует несоответствие «поведенческого» и «статусного», т. е. выступает как мета-процедура по отношению к структуре отношений и взаимодействия группы людей, статусы которых взаимно определены.

Эвристический потенциал данного подхода позволяет применять его и в анализе других вариантов изменения структуры семьи, диктующих необходимость корректировки внутренних границ социального пространства. К таковым относятся, например, приход в дом примака, отчима или мачехи, смерть, отход на сезонные заработки, уход на военную службу и пр. — то есть ситуаций, когда в семье либо появляется новый член, либо уходит старый.

В начале **второго раздела второй главы**, «*Супружеская ссора: от «прочка» до развода (расхода)*», формулируется тезис о существовании ряда моделей «супружеских разъединений/разлучений», некоторые из которых выглядят достаточно «нетрадиционными», и даже одиозными для «традиционной» культуры (например, изгнание жены/мужа из дома, промена, аренда или закладывание жены и под.). В подразделах II Б (1) и II Б (2) анализируются два из наиболее распространенных сценариев развития супружеской ссоры — побег жены из дома мужа (в определении Н.Я. Никифоровского, «прочка») и крестьянский развод (или, в крестьянской терминологии, расход).

Основанием для выбора именно этих двух моделей является то, что развод приводит к разрушению семейной структуры, в то время как «прочка» сравнима с временным сбоем в ее функционировании. Впрочем, четкую границу между разводом и побегом из дома провести можно не всегда, прежде всего потому, что временные рамки последнего могли варьироваться очень значительно, от нескольких часов до нескольких лет.

Побег жены из дома — достаточно частое, судя по имеющимся материалам, явление крестьянской жизни — можно рассматривать и как знак вызвавшего его конфликта, и как самостоятельный этап его развития, переход «домашнего» цикла ссоры в публичный. При этом, как правило, увеличивалось число участников взаимодействия (за счет родителей, родственников, соседей) — иными словами, повседневный конфликт мог актуализировать систему деревенских родственных и соседских связей.

Побег женщины в дом своих родителей фактически представляет собой действие обратное тому, что происходит в свадебном ритуале (переход в дом мужа). Поскольку ритуальное «перемещение в реальном пространстве» во время свадьбы символизирует для его участников (и, в частности, для невесты) «переход в новый статус» (Байбурин 1993: 76), то есть, в конечном итоге, функционально направлено на формирование новой социальной структуры, можно говорить, что убежавшая из дому жена «бросает вызов» установленному в ритуале миропорядку, пытается «вернуть» в принципе «необратимое».

Если рассматривать всю совокупность разрешенных, или предписанных в традиции контактов одного или обоих супругов с родителями жены как некую культурную норму, то побег жены из дома окажется примером их внормативной актуализации.

Чаще всего побег жены из дома заканчивался возвращением, однако даже кратковременное прерывание семейных связей, помимо того, что оно приводило к сбоям в установленном ритме семейной жизни, свидетельствовало о существовании более серьезной угрозы для структуры семьи.

Развод (расход) представлял собой менее «конфликтную» практику, чем «прочка» — у крестьян возможны были т. н. «добровольные» расходы, не сопровождавшиеся супружескими ссорами; однако часто расход был именно выходом из семейного конфликта. В связи с проблематикой развода рассматривается следующий круг вопросов: а) место семейной/супружеской ссоры среди других причин крестьянского развода; б) обычно-правовые аспекты деревенского развода и в) конфликты, возникающие в результате развода и раздельного жительства супругов.

Несмотря на то, что в официальном законодательстве супружеская ссора не рассматривалась как веская причина к расторжению брака, в реальной народно-правовой практике ситуация была принципиально иной — ссора регулярно появляется в качестве объяснения расхода мужа и жены. При этом многие описания расходов позволяют сделать вывод о важности психологической стороны брака в крестьянской культуре второй половины XIX в.

Расход, непосредственно затрагивающий сферу имущественных отношений, представлял собой один из обычно-правовых институтов деревенского сообщества, что позволяло исследователям говорить о существовании «двух брачных прав — у крестьян и у всех остальных» (Ефименко 1884: 41). Обычной практикой в ситуации расхода было обращение к одной из «третьих инстанций», например, «старикам» или волостному сходу; при этом для решения вопроса о том, кому из расходящихся сколько имущества причитается, было значимо, кто был причиной ссоры супругов и как она протекала. В некоторых деревнях существовал особый обряд «развода обществом» супругов, живших несогласно.

Описание обычно-правовых практик развода могут служить подтверждением тезиса о том, что крестьянам был свойственен взгляд на брак не только как на таинство, но и как на «частный вид гражданского договора» (Там же: 9).

Происходившее в результате развода разрушение структуры семьи, хотя и являлось «аномалией» в прохождении «идеального» жизненного цикла, до некоторой степени возмещалось за счет внебрачного сожительства, в свою очередь, впрочем, выступавшего катализатором деревенских конфликтов.

Третий раздел второй главы. *«Семейная ссора: раздел и распределение имущества»*, посвящен одной из наиболее репрезентативных конфликтных ситуаций в крестьянской культуре рассматриваемого периода — семейному разделу.

Как и в случае развода, жесткой связи между разделами и конфликтами не существовало, деление могло происходить и без ссор, однако

очень часто ссора могла быть его причиной, сопутствующим обстоятельством или одним из возможных последствий. Именно противопоставление этих двух форм раздела, мирного и конфликтного, выразилось в обычно-правовой формуле «делиться по ссоре или по сугласу» (Тихонов 1889: 127; 143), что представляет собой одно из немногих терминологических употреблений слова *ссора*, в составе данной формулы вошедшее в официальный дискурс о крестьянских семейных разделах.

Общепринятая типология крестьянских разделов включает в себя собственно «раздел», «выдел» и «отдел», или «отход». В данном исследовании предлагается альтернативная типология разделов по степени убывания «конфликтности»: «Отдел / выдел неженатого сына», «Отдел молодой семьи» и «Раздел семейных братьев», описанные, соответственно, в трех самостоятельных подразделах. Для каждого типа показывается зависимость между структурной спецификой ситуации и происходящем в ней конфликте (каким образом естественная динамика развития семьи подготавливает почву для нарастания в ней статусного напряжения, кто выступает главными участниками конфликта, предшествует ли разделу какое-либо событие, влияющее на структуру семьи и отношения ее членов между собой).

Отдельно рассматривается вопрос о «частичном» разделе, когда в силу экономических обстоятельств разделившиеся вынуждены были оставаться в одном доме, перегораживая его. Промежуточная структура, возникавшая в подобном случае, чаще всего имела конфликтный характер, а ссора становилась «затяжной». Обращение к вопросу о частичном разделе позволяет сделать некоторые выводы о структурных особенностях раздела как такового — в частности, об «инерции» старой структуры отношений, не исчезающей мгновенно с ее изменением.

В контексте всех трех типов семейных разделов рассматриваются их внутрикультурные объяснительные модели (например, «теснота жилища») и гендерные стереотипы («ссоры женщин как главная причина разделов»), а также указывается на место представлений о семейных разделах в народной периодизации времени.

Дополнительный подраздел, относящийся к модели «Отдел / выдел неженатого сына», носит название «Родительское проклятие». Специфике данной ситуации определяет то, что взрослый сын достигает того возраста (биологического, и, что более важно, социального) когда он может стать главой семьи, хозяином собственное сближение сына и отца-большака нередко проявляющееся в семейных ссорах и лишение наследства и отцовское проклятие. Оется рассматривать как один из случаев «распором сын лишается причитающейся ему «доли» ... в символическом смысле. В заключение рассматриваются примеры ритуализации процедуры родительского проклятия, анализируются мифо-

логические представления о его последствиях и проводится сравнение с фольклорным сюжетом о материнском проклятии маленького ребенка.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА, «Соседская ссора», состоит из двух разделов.

В первом разделе третьей главы, «Соседская ссора и структура деревенского пространства», рассматриваются ссоры, происходящие за пределами жестко структурированной сферы крестьянской семьи, где формальные отношения между участниками конфликта в меньшей степени поддаются описанию в терминах взаимоопределяемости. Такие ссоры предлагается анализировать во взаимосвязи с публичным деревенским пространством в совокупности его физических и символических характеристик.

В начале раздела формулируется тезис о существовании особой этики соседских отношений и условий, ее определяющих (иерархии власти в деревенском сообществе, наличия в нем различных половозрастных и профессиональных групп и т. д.). Соседские отношения трактуются как отношения обмена, конфигурация которых определяется тем, что можно назвать «дистанцией» между участниками коммуникации; ссора при этом может быть представлена как «искажение» обменных отношений (вплоть до их полного прекращения), выражающееся в появлении новых, «патологических» форм обмена.

Тезис о границе как «провокаторе конфликтов» рассматривается на примере двух типов ссор: 1) по поводу совместных границ приусадебных участков и 2) возникающих при переделах пахотной земли.

Специфика первого случая определяется двумя факторами. Во-первых, для «ближайших соседей», как правило, был характерен более интенсивный «ритм» взаимодействия, чем между однодеревенцами вообще (причиной этого была более тесная связанность различными взаимными обязательствами, такими, например, как одалживание, пользование общими пространственными ресурсами — проходами, колодцами и пр.). Во-вторых, ближайшие соседи, как правило, были более «посвящены» в детали жизни друг друга, о которых могли не знать остальные. Вообще ближайшее соседство можно определить как минимальную «единицу обмена», непосредственно следующую за семьей, или даже как своеобразное «расширение» семейного пространства. Помимо преимуществ, которые такое положение могло давать, общая граница часто становилась катализатором ссор, а ее поддержание — самоценным занятием. Данный тезис раскрывается на примере одного из наиболее часто встречающихся сюжетов — ссоры ближайших соседок из-за кур, или «куриных потрав», символический характер которой определяется несоответствием «объективной», или «вещной», значимости повода ссоры и ее возможных последствий.

На примере второго случая (ссор, возникающих при переделах пахотной земли) также раскрывается одна из составляющих логики конфликта как такового — борьба за ограниченные ресурсы, находящиеся в

общем владении (последнему в значительной мере способствовали крестьянские обычно-правовые представления о собственности на землю). Особое внимание при анализе подобных ссор уделяется механизмам, дававшим возможность избегать их нежелательных последствий (в первую очередь, практике жеребьевки).

Заключительную часть раздела составляет рассмотрение вопроса о связи ссоры и «специального» знания, магических способов провокации ссоры, этики отношения со «знающими» и «программирования» определенных сторон конфликтного взаимодействия в заговорах на раздор / разлучение. Обращение к данному вопросу в контексте рассмотрения соседских ссор обусловлено тем, что наиболее часто мотив «магической мести» в ситуации ссоры встречается именно в описаниях отношений соседей (однодеревенцев); в тех же случаях, когда речь идет о семейной (и, в первую очередь, супружеской) ссоре, она, как правило, провоцируется либо извне семейного пространства, либо изначально «чужими» друг другу членами семьи (например, свекровью по отношению к невестке).

Особая этика общения со «знающими», как правило, основывалась на страхе и предполагала избегание ссор; формой контроля со стороны самих «знающих» могло быть сознательное манипулирование своей репутацией в деревенском сообществе, осуществлявшееся, в частности, через такую форму конфликтного поведения, как угроза.

В заговорах на «раздор», «разлучение» (всего проанализировано 72 текста из 19 источников) ссора людей (мужа и жены) моделируется преимущественно «по образу и подобию» конфликтных отношений нечистой силы — чаще всего черта с чертовкой или водяного с водянухой. При этом доминирует либо образ физических действий (нанесение друг другу ран, увечий, побоев и пр.), либо пространственного разделения и невозможности контакта; образ «активного словесного обмена» (перебранки, взаимных оскорблений и пр.) представлен в очень малом количестве текстов.

Во втором разделе третьей главы. *«Ссора и структуры социального родства/«соседства» в деревне»*, выделяется четыре типа «соседских» структур (кумовство, побратимство, институт крестных родителей и сябрина), практика формирования и функционирования которых включала эксплицитный запрет на ссору, что должно было оказывать влияние на характер социальных отношений внутри деревенского сообщества. Рассматриваются примеры ритуальных текстов, вербализующих этот запрет, и делается вывод о том, что одной из целей формирования подобных структур было либо прекращение ссор уже начавшихся, либо предотвращение их в будущем, а достижение этой цели обеспечивалось установлением иной социальной «дистанции» и иного ритма обменных отношений между участниками взаимодействия.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА работы, «*Некоторые коммуникативные и гендерные аспекты крестьянской ссоры*», состоит из двух разделов, проблематика которых имеет отношение к ссоре как семейной, так и соседской; в этом смысле данная глава является дополнением к двум предыдущим.

В первом разделе четвертой главы. «*Некоторые коммуникативные аспекты крестьянской ссоры*», выделяется и анализируется особый механизм развертывания «текста» ссоры, названный механизмом «замещения», состоящий в том, что в процессе конфликтного взаимодействия конкретный предлог, который послужил его началом, «забывается», а вместо него появляется часто очень обширный текст о прошлых обидах, конфликтах, позорящих собеседника фактах биографии его самого и его ближайшей и дальней родни.

Особенности развития ссоры по принципу «замещения» («лавинообразное» увеличение информации и вовлечение новых участников, воспроизведение конфликта в конфликте и др.) позволяют рассматривать ссору как особо «насыщенный» текст, обладающий повышенным экспликационным потенциалом. На основании этого выдвигается тезис о метаструктурной функции ссоры, проявляющейся по отношению к разделяемому участниками коммуникации общему контексту взаимоотношений, и в первую очередь его негативно оцениваемым аспектам (неблаговидным поступкам односельчан, их моральным качествами и под.). В связи с актуализацией значимых для социума аспектов семейной и общественной «истории» формулируется тезис о ссоре как одной из ситуаций трансляции повседневного знания.

Отдельно рассматривается феномен «внезапного примирения», который мог наступать в кульминационной точке ссоры; делается предположение, что ссора не только и не столько преследует цель «выяснения истины», или «разрешения конфликта», сколько служит подтверждению связей внутри относительно замкнутого сообщества, периодической «проверкой» на «посвященность» в общий контекст его повседневного знания.

В конце раздела затрагивается вопрос о деревенской ссоре как о зрелище, часто обладающем «публично-исповедальным» характером и, одновременно, создающем эффект комического, а также некоторые коммуникативные аспекты ссоры, касающиеся этнографии речи (изменение скорости речи, модификация форм обращения, появление дополнительных высказываний на языке жестов, актуализация особой коммуникативной компетенции (ругани, сквернословия) и пр.).

Во втором разделе четвертой главы. «*Гендерная проблематика в контексте крестьянских ссор*», анализируется, как в пределах тематической группы текстов о деревенской ссоре репрезентируется гендер и делается попытка объяснить механизм конструирования в них гендерного значения.

Корпус текстов о крестьянских ссорах является «сильным контекстом» проявления гендерного значения; доминирующим при этом является «женский конфликтный стереотип» (женская гендерная норма в конфликте и отклонения от нее; черты, приписываемые женским ссорам и т. д.). Особая маркированность «женского» в текстах о ссорах рассматривается как выражение определенной внутрикультурной диспозиции по отношению, с одной стороны, к «женскому», а с другой — к «конфликтному».

Для внутрикультурных представлений о женских ссорах характерен определенный парадокс: возникая «из-за пустяка», они могут приводить к катастрофическим последствиям, будучи «иррациональными», являясь частью сознательного, целенаправленного поведения.

Гендерная стереотипия в отношении «мужского» в ссоре эксплицируется чаще всего по контрасту с женским конфликтным поведением: мужчинам обычно приписываются трезвость и рассудительность, выступающие главным фактором сдерживания женских ссор. Ссоры самих мужчин происходят «за дело», например, в интересах «экономического благополучия дома», и, как таковые, обладают определенной «ценностью», которой лишены ссоры женщин.

Делается вывод о том, что механизм конструирования гендерного значения в текстах о крестьянских ссорах, как правило, представляет собой прямую проекцию представлений о «половом» на «поведенческое». В связи с этим предлагается рассматривать характеристику «пола» как часть неразложимого понятия «статус», что не только позволит избежать предвзятости интерпретаций, но и выявит структурную составляющую понятия *гендер*.

В ПЯТОЙ ГЛАВЕ. *«Деревенский институт примирения: от семейного совета до волостного суда»*, делается попытка реконструировать основные обычно-правовые инстанции сельского судопроизводства, существовавшие в крестьянской пореформенной культуре и носившие «примирительный» характер (семейный совет, суд старосты (с добросовестными) — суд соседей — третейский суд — суд стариков — сельский сход — волостной суд, а также судебные структуры «окказионального» характера, возникающие в специфических социокультурных ситуациях). При разнородности свидетельств о том, легко ли крестьяне мирились и не возобновляли ли старую ссору после примирения, предлагается рассматривать примирение не только как окончательный этап разрешения противоречия, послужившего причиной ссоры, но и как некий промежуточный этап ссоры, маркирующий смену различных конфликтных практик, более близкий к понятию «перемирие».

Исследуется соотношение между характером ссоры (где, когда и между кем она происходила) и способами ее разрешения, в связи с чем все типы примирения делятся на две большие группы: «саморегуляция» (раздел (V А)), «примирение «извне» (раздел (V Б)). В соответствии с

крестьянскими представлениями, к первой группе относились прежде всего ссоры мужа и жены: при том, что они считались вполне «естественными» и ожидаемыми, предполагалось, что и прекращаться они должны «сами собой». Все остальные типы примирения, осуществлявшиеся при участии третьей инстанции, отнесены ко второй группе. Делается вывод о том, что всю совокупность обычно-правовых инстанций примирительного судопроизводства в деревне можно описать как «систему фильтров», благодаря которой значительная часть дел о крестьянских конфликтах не доходила до более высоких судебных уровней.

Различие между «репрессивными» и «реститутивными» мерами судебного наказания демонстрируется на примере примирительного обычая «грех пополам» (раздел (V B)), предполагавшего не только равное участие тяжущихся сторон в возмещении нанесенного ущерба, но и предотвращение дальнейшего конфликта между поссорившимися.

Кроме того, в главе рассматриваются особые моменты в жизненном цикле человека, когда традиция, в первую очередь церковная, предписывала примирение (во время исповеди перед смертью, в Прощеное воскресенье, перед причастием).

Возможность трансформации конфликта в обряд или ритуализованную практику иллюстрируется анализом традиционных практик «примирения на вине» и роли кабака в структуре деревенского конфликта (разделы (V Г) и (V Д)).

Совместное распитие вина могло быть как «закреплением» уже достигнутого примирения, и, таким образом, являлось завершающим этапом процесса разбора конфликта, так и способом достижения согласия, платой за возможность примирительного разрешения дела. Нередко расходы по угощению делились между тяжущимися, что очень напоминало примирительный обычай «грех пополам». Мирное окончание дела в крестьянском суде в такой степени ассоциировалось с преподнесением «миру» вина, что последнее могло фактически замещать само рассмотрение дела; складывается впечатление, что ссоры нередко и затевались только ради того, чтобы выпить «примирительное». Иными словами, ссора становилась «выгодна», что, видимо, в определенной степени объясняет, почему крестьяне так «легко» мирились и ссорились вновь. В связи с этим можно предположить, что часть деревенских ссор, в первую очередь соседских, на самом деле представляла собой лишь псевдо-конфликт, или даже сознательную его имитацию.

Деревенский кабак, где снимались как многие повседневные конвенции поведения, так и обычно-правовые нормы взаимодействия, был местом, где «сходились» начальная и конечная стадии конфликтного цикла — от ссоры до примирения. С одной стороны, именно здесь начинались многие ссоры (в определенной степени их можно назвать ссорами не «по поводу», а «в состоянии»), с другой, кабак был одним из

традиционных локусов примирения, где, в частности, могло происходить «примирение на вине».

В **ЗАКЛЮЧЕНИИ** подводятся теоретический итог исследования, обобщаются его главные выводы, а также намечаются наиболее перспективные с точки зрения автора разработки проблематики ссоры в дальнейшем.

В качестве двух наиболее значимых выводов исследования, имеющих отношение к изучению традиционной крестьянской культуры как таковой, можно назвать следующие:

1) Ссора является не столько непосредственной причиной или следствием структурных изменений сообщества, сколько индикатором внутреннего состояния системы, находящейся на том или ином этапе своего развития. Ссора сигнализирует готовность и предрасположенность системы к изменениям будущим, и служит механизмом внутренней адаптации системы к изменениям уже произошедшим.

2) Ссору можно рассматривать как одну из процедур воспроизведения и передачи знания о сообществе в условиях повседневности, механизмом поддержания общего контекста знаний его членов.

В **ПРИЛОЖЕНИИ** представлены наиболее характерные тексты, послужившие основой для диссертационного исследования (всего около 200 текстов). Большинство из них взяты из неопубликованных и малодоступных источников. Последовательность текстов приложения в целом отражает структуру диссертации.

**ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
АВТОРОМ ОПУБЛИКОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ РАБОТЫ:**

- 1) *Кушкова А.Н.* К анализу представлений о семейной ссоре // Мифология и повседневность: Материалы научной конференции, 24–26 февраля 1999. СПб.: Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), 1999. С. 101–120. (0,9 печ. л.).
- 2) *Кушкова А.Н.* Сор в славянской традиции: на границе «своего» и «чужого» // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сб. науч. трудов. / Европ. Ун-т в С.-Петербурге. СПб.: Д. Буланин, 1999. Вып. 1. С. 240–272. (1,7 печ. л.).
- 3) *Кушкова А. Н.* О некоторых коммуникативных аспектах крестьянской ссоры второй половины XIX в. // Проблемы социального и гуманитарного знания: Сб. науч. работ. Европейский ун-т в С.-Петербурге. СПб., 2000. Вып. II. С. 303–334. (1,7 печ. л.).
- 4) *Кушкова А.Н.* Деревенская ссора: техника опроса и моделирование коммуникативной ситуации // Антропология. Фольклористика. Лингвистика. Сб. ст. / Европейский ун-т в С.-Петербурге. СПб., 2001. Вып. 1. С. 14–36. (1,3 печ. л.).
- 5) *Кушкова А.Н.* Конструирование гендерного значения в текстах о крестьянских ссорах второй половины XIX в. // Мифология и повседневность. Гендерный подход в антропологических дисциплинах: Материалы научной конференции, 19–21 февраля 2001. СПб.: Российская Академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), 2001. С. 116–150. (2,3 печ. л.).
- 6) *Кушкова А.Н.* Информационное пространство деревни: повседневность и конфликт // Антропология. Фольклористика. Лингвистика. Сб. ст. / Европейский ун-т в С.-Петербурге. СПб., 2002. Вып. 2. С. 57–91. (2,2 печ. л.).